

УДК 101.1:316

**ПАМЯТЬ, ЗАБВЕНИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ДИАЛЕКТИКА ФЕНОМЕНОВ***Е.Н. Костина***Аннотация**

Статья посвящена исследованию взаимосвязи феноменов памяти и забвения, изучению их роли в процессе формирования и сохранения идентичности. Предпринята попытка понять, всегда ли память выступает как хранительница идентичности, а забвение – как пространство ее потери и разрушения. Опираясь на некоторые методы психоанализа, автор обнаруживает созидательный потенциал феномена забвения и приходит к выводу, что забвение – не антипод памяти, а ее «обратная сторона».

Ключевые слова: память, идентичность, забвение, неисторическое, травма.

В условиях кризиса идентичности, раздробленности, одномерности человека философы все чаще обращаются к поиску идентичности в истории. И если область нашей идентичности обнаруживается в прошлом, значит, память – хранительница идентичности, а забвение – пространство ее потери и разрушения. «Наиболее убедительным, – отмечает Ф.Р. Анкерсмит, – все еще остается утверждение, что наша идентичность находится в прошлом. <...> Отсюда следует, что, чем больше мы узнаем о нашем индивидуальном или коллективном прошлом, тем будет лучше для нас... и поэтому вряд ли можно себе представить состояние пресыщения историей» [1, с. 436]. Но всегда ли эта формула верна? Всегда ли забвение является причиной разрушения идентичности (личной или коллективной)? Может быть, забвение и память иногда меняются местами, может быть, «избыток памяти» способен содержать в себе более разрушительный посыл, нежели ситуация, когда кто-то или что-то оказывается забытым?

В докладе «Расстройство исторической идентичности» Пьер Нора задается вопросом: «Может ли человеческое сообщество и национальная общность обойтись без генетического понимания своего прошлого и позитивного отношения к собственной истории?» [2]. П. Нора показывает, что нация, общество не могут претендовать на статус единого культурного целого в случае неадекватного отношения к своему прошлому. Говоря о Франции, исследователь замечает, что противоречивое, неоднозначное, «мрачное» отношение к прошлому порождает коллективное «недомогание» страны. «Франция, – констатирует он, – “усомнилась” в своей идентичности» [2].

Как же сказывается на культурном здоровье нации, народа, общества забвение тех или иных исторических событий? Можно ли вообще забыть свое

прошлое? Задавшись этими вопросами, мы оказываемся перед необходимостью исследования феномена забвения.

Обратимся к Фридриху Ницше, к его «Несвоевременным размышлениям: «О пользе и вреде истории для жизни»». «Веселость, спокойная совесть, радостная деятельность, доверие к грядущему, – пишет он, – все это зависит как у отдельного человека, так и у народа от того... умеет ли он одинаково хорошо вовремя забывать, как и вовремя вспоминать, от способности здравого инстинкта определять, когда нужно ощущать исторически и когда – неисторически. ...Историческое и неисторическое одинаково необходимы для здоровья отдельного человека, народа и культуры» [3, с. 164]. Что же понимает Ф. Ницше под неисторическим? Прежде всего, это способность к забвению, возможность и желание быть в настоящем, жить только в нем, не быть связанным прошлым, а значит творить из себя самого. Забвение, таким образом, есть момент неисторического, в силу чего оно обладает творческим потенциалом, позволяет создавать новые образы и смыслы.

Забвение так или иначе всегда сопровождает историю. В том смысле, что всегда в истории что-то остается забытым. Ф.Р. Анкерсмит даже выделяет несколько типов забвения (см. [1]). Первый тип является абсолютно «безвредным», поскольку наша идентичность (не важно: коллективная, социальная, политическая и т. п.) нисколько не пострадает, если мы забудем, к примеру, что мы приготовили позавчера на ужин. По мнению Ф.Р. Анкерсмита, именно такое, «безвредное» забвение имел в виду Ф. Ницше, когда рассуждал о творческой, созидательной силе забывания. Выделяя этот тип забвения и говоря о нем как о безопасном, Ф.Р. Анкерсмит подразумевает, что другие типы забвения могут быть губительными как для индивидуальной, так и для коллективной идентичности.

Второй тип забвения, по Ф.Р. Анкерсмиту, возникает тогда, когда из памяти стирается нечто важное для идентичности, а значит, и для жизнедеятельности человека или группы. Но почему что-то важное оказывается забытым? Специфика этого типа забвения заключается в том, что значимость забываемого события не была осознана, именно поэтому оно оказалось за границей памяти.

Когда же индивид или группа сталкивается с событиями, память о которых может оказаться невыносимой, возникает третий тип забвения, которое в данном случае вполне можно сравнить с вытеснением травмирующего события из пространства памяти. В качестве наиболее показательного примера данного типа забвения, по мнению Ф. Анкерсмита, выступает предание забвению Холокоста после Второй мировой войны.

Четвертый тип забвения, согласно Ф.Р. Анкерсмиту, предполагает обретение новой идентичности. Однако для того, чтобы ее обрести, необходимо отказаться от травматического опыта прошлого. Но можно ли отказаться от прошлого? Отказаться от своего прошлого – значит ли предать его забвению? И наоборот, предать забвению – значит ли сознательно отказаться? Да и об отказе ли в данном случае идет речь? Возможно, обретение новой идентичности есть награда за «верное» забывание? Ведь в противном случае четвертый тип забвения ничем не будет отличаться от третьего!

Рассуждение Ф.Р. Анкерсмита о травматическом опыте, который был вытеснен из коллективной памяти народа, отсылает нас к теории и практике психоана-

литика З. Фрейда. Вообще, заимствование идей Фрейда характерно для многих историков и философов XX – XXI вв., занимающихся вопросами философии истории. В частности, Поль Рикер в своих работах уделяет большое внимание феномену коллективного травматического опыта. Впрочем, необходимо отметить, что большинство исследователей в высшей степени скептически относятся к заимствованию методологии психоанализа. Т. Венедиктова приводит следующие рассуждения на этот счет: «Концепт памяти и впрямь нечеток – на взгляд критиков, это и не концепт даже, а всего лишь метафора. Быть может, пойдя у нее на поводу, историки взялись не за свое дело? Иные из них ведь претендуют быть целителями коллективных неврозов, травм общественного сознания, демистификаторами скрытых комплексов, “эмансипаторами” человечества... Не многовато ли? Пусть лучше пророки пророчествуют, психоаналитики лечат, полагает А.М. Руткевич, а задача историка – строго и скромно заниматься прошлым, “как оно действительно было”» [4, с. 355]. Сам А.М. Руткевич в статье «Психоанализ и доктрина исторической памяти» замечает: «Отношение многих серьезных историков к психоанализу является критическим – модные идеи хороши для бульварных газет (или даже для раздела Feuilleton в газетах получше), но никак не для исторических исследований» [5, с. 14]. В то же время следует иметь в виду, что использование методологии и категориального аппарата психоаналитической концепции может помочь исследователям в решении ряда теоретических и практических проблем, связанных, в частности, с проблемами функционирования исторического сознания.

Так, Поль Рикер, рассматривая сквозь призму категорий психоанализа особенности функционирования уже не индивидуальной, а коллективной памяти, в работе «Память. История. Забвение» использует очень важное фрейдовское понятие «травма» (или «ранение», «рубец»). Анализируя феномен коллективной памяти при помощи традиционных для психоанализа понятий, Поль Рикер, как бы в ответ на выпад А.М. Руткевича, отмечает, что такой анализ, безусловно, не является исчерпывающим и самодостаточным, однако он может быть чрезвычайно плодотворен и полезен для изучения коллективной памяти, поскольку при исследовании и сопоставлении патологических ситуаций и нарушений коллективной памяти выявляется немало сходств. Можно сопоставить, например, феномен личной утраты и связанное с этой утратой состояние скорби с такими явлениями, как утрата территорий, людей (при военных действиях или чрезвычайных ситуациях), и порожденным ими состоянием скорби (народная скорбь, траурные церемонии, минуты молчания и т. п.).

Концепт травмы (травматического забвения) П. Рикер применяет при сопоставлении нарушений, отклонений, имеющих место в области как индивидуальной, так и коллективной памяти. По мнению философа, наряду с феноменом «неправильной» памяти (памяти травмированной, подвергшейся идеологическим манипуляциям и т. д.) оправданно выделять феномен «неправильного» забвения (или забвения травматического)¹. С такого рода забвением, так же как и с различными проявлениями неправильной, «больной» памяти, мы сталкиваемся

¹ Очень интересное замечание: если можно выделить «неправильное» забвение, то, очевидно, существует забвение «правильное», то есть обладающее определенным положительным потенциалом.

тогда, когда травмирующее коллективную память событие вытесняется (говоря языком психоанализа) из ее пространства; это вытеснение, в свою очередь, порождает феномен исключенного из памяти, но не забытого, сохраняющегося в ней травматического опыта. Особым случаем, по мнению П. Рикера, является манипулирование памятью и забвением со стороны политической власти (идеологическое воздействие на область коллективной памяти). Вне сомнения, особенности «жизни» памяти, особенности ее состояния и функционирования напрямую сказываются на состоянии идентичности – как личной, так и коллективной. Это значит, что искажения памяти, неправильная ее работа, идеологическое манипулирование ею могут породить «разрыв» идентичности.

Мы вновь возвращаемся к вопросу: необходимо ли беспрестанно преодолевать забвение, чтобы сохранять свою идентичность? Невозможно, полагаем мы вслед за Ф.Р. Анкерсмитом, помнить все (в истории всегда что-то остается забытым, хотя бы даже и то, «куда мы ходили гулять с собакой»). Не случайно, касаясь проблемы соотношения памяти и забвения, П. Рикер пишет: «С памятью связана определенная амбиция, претензия на то, чтобы хранить верность прошлому; в этом отношении изъяны, которые свидетельствуют о забвении... должны пониматься не как патологические формы, не как дисфункции, а как теневая сторона освещенного пространства памяти...» [6, с. 43]; а это значит, что забвение не является уничтожением, окончательным стиранием из памяти дат, событий, имен, героев и даже не предполагает этого. Забвение – это скорее утаивание, временное сокрытие феноменов, которые принадлежат пространству памяти.

Определяя забвение как то, что не только не противостоит памяти, но, возможно, является ее органической частью, мы тем самым смотрим на проблему соотношения памяти и забвения с такой стороны, которая многим ученым (в особенности историкам) может показаться по меньшей мере неожиданной. В самом деле, в соответствии с классическими представлениями забвение в истории есть не что иное, как оппозиция, противоположность памяти, из чего следует, что забвение необходимо преодолевать. В начале статьи мы уже приводили мнение Ф.Р. Анкерсмита о том, что «чем больше мы узнаем о нашем индивидуальном или коллективном прошлом, тем будет лучше для нас» [1, с. 436]. Это утверждение, безусловно, сложно оспорить. Однако, как только мы посмотрим на феномен забвения не как на «врага» памяти, как только мы поставим перед собой цель быть менее категоричными в оценке соотношения памяти и забвения, перед нами откроется возможность изучить более глубоко сам феномен забвения и его роль в жизни человека и общества.

Забвение в определенном смысле есть попытка **«стирания» прошлого**. Такое стирание, обнуление прошлого, если мы вспомним позицию Ф. Ницше, может оказаться даже полезным, поскольку создает возможность начать творить с чистого листа, беспредпосылочно.

Таким образом, забвение может выступать как переход из прошлого в настоящее. Оно может быть понято не только и не столько как область, способная разрушить идентичность, но, напротив, как пространство ее восстановления или даже обретения. Подобное понимание забвения близко, на наш взгляд, трактовке, предложенной Ф.Р. Анкерсмитом для четвертого типа забвения (однако

следует оговорить, что сам Ф.Р. Анкерсмит вывода о том, что в результате забвения может сформироваться новая идентичность, не делает).

Здесь уместно будет вспомнить вопрос о забвении Холокоста, поднятый Ф.Р. Анкерсмитом в книге «Возвышенный исторический опыт». В вышедшем в эфир 22 сентября 2009 года выпуске телепередачи «Апокриф» (телеканал «Культура»), тема которого была обозначена как «главные слова эпохи», одна из героинь – немка – в качестве главных слов эпохи назвала *Холокост* и – что самое интересное – *ответственность*. Это, на наш взгляд, чрезвычайно показательный случай того, как может быть преодолено и как преодолевается забвение.

В приведенном нами примере, касающемся памяти немецкого народа о своем национал-социалистическом прошлом, есть еще один немаловажный аспект, напрямую связанный с нашим рассуждением о возможной позитивной функции забвения. Многие историки, философы, публицисты сегодня в один голос утверждают, что немецкому народу следует отказаться от всепоглощающего комплекса вины за свое прошлое, то есть в каком-то смысле предать его забвению (см. [7, 8]), конечно, при том условии, что это прошлое никогда не будет забыто.

Мы приходим к заключению, что при некоторых обстоятельствах работа по преодолению забвения является куда более плодотворной деятельностью, чем «хорошее» памятование, потому что позволяет «излечить» травму, превозмочь скорбь, а значит – способствует сохранению или формированию «здоровья» идентичности. Однако для того, чтобы забвение было преодолено, оно должно возникнуть. Но возникнув, оно должно быть преодолено (опять же, следуя логике психоанализа).

Может показаться, что, рассуждая подобным образом, мы не двигаемся вперед, стоим на месте. В самом деле, получается, что иногда забывать необходимо, но при этом забывать невозможно. Однако что значит преодолеть забвение? Это значит – примириться со своим прошлым, каким бы трагическим, каким бы нежеланным оно ни было. Отождествив тем самым счастливое забвение и примиренную с прошлым память, мы помещаем память и забвение в одно смысловое пространство. Вслед за П. Рикером мы можем заключить, что забвение не является врагом памяти, что память может существовать в равновесии с забвением.

Возвращаясь к вопросу, заданному Пьером Нора, отметим, что коллективная идентичность действительно возможна только при условии «здоровой» коллективной исторической памяти. Однако забвение, понятое не как отказ от своего прошлого, а как забвение-резерв, забвение-сохранение в памяти, как мы выяснили, может примирить настоящее с прошлым и позволить двигаться по пути истории дальше.

Работа выполнена в рамках тематического плана НИР КФУ 2011 г., проводимых по заказу Минобрнауки РФ № 1.68.11.

Summary

E.N. Kostina. Remembrance, Oblivion, Identity: Dialectics of the Phenomena.

The article analyses the interconnection between remembrance and oblivion phenomena and their role in the process of identity formation and preservation. An attempt is made to answer the following questions: Is memory always the keeper of identity? And is oblivion

always the space of its loss and destruction? Using some of the psychoanalysis methods the author finds out the positive potential of oblivion and concludes that oblivion is not a remembrance's antipode, but its underside.

Key words: remembrance, identity, oblivion, unhistorical, trauma.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – 612 с.
2. Нора П. Расстройство исторической идентичности // История, историки и власть: междунар. круглый стол (2 февр. 2010 г.), Москва, РАН. – URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/rasstrojstvo_istoricheskoy_identichnosti_2010-02-19.htm, свободный.
3. Ницше Ф. Несовременные размышления: «О пользе и вреде истории для жизни» // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. Литературные памятники. – С. 158–230.
4. Венедиктова Т. История между Past и Present Perfect (Рец. на кн.: Феномен прошлого. М., 2005) // Новое лит. обозр. – 2006. – № 80. – С. 354–357.
5. Руткевич А.М. Психоанализ и доктрина «исторической памяти». – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 36 с.
6. Рикер П. Память. История. Забвение. – М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с.
7. Шурек Ж.-Ш. Память и тоталитаризм: французские дебаты // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2002. – № 2 (22). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/shurek.html>, свободный.
8. Марголина С. Конец прекрасной эпохи. О немецком опыте осмысления национал-социалистической истории и его пределах // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2002. – № 2 (22). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/mar.html>, свободный.

Поступила в редакцию
04.10.10

Костина Екатерина Николаевна – аспирант кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: kostina2010@inbox.ru